

Память

В конце прошлого года ушла из жизни Нелли Смирнова, учитель русского языка и литературы, член Союза журналистов СССР. Тридцать пять лет она буквально отдала телевидению, дойдя от руководителя отдела культуры до главного редактора МГТРК. А потом стала редактором журнала «Партнёр».

Нелли Фёдоровна не просто работала – скорее, служила, находясь на любом посту. По-другому она не умела, поэтому всю себя посвящала доверенному ей делу, всегда ответственно, нередко стратегическому. И очень часто судьбоносному: для города, области и даже для страны. Не зря её имя занесено в энциклопедию «Лучшие люди России!» Она действительно была лучшей, значимой и благонадежной.

О таких, как Нелли Фёдоровна, говорят, что она была лицом своего времени. Соглашусь! И добавлю: а ещё его сердцем и нервом. Жизнь в ней кипела, бурлила, пульсировала, ей хотелось многое успеть, не упустить, совершить.

Ей так не идёт прошедшее время. Так сложно о ней писать: слишком велик масштаб её личности, чтобы использовать привычные образы и стандартные, будничные выражения. Поэтому, не опасаясь упреков в огульности, скажу главное: мы все просто любили дорогую нам Нелли Фёдоровну. Мы – это немалая команда редакции журнала «Партнёр». Мы все к ней прислушивались, ею гордились, восхищались, любовались. И всегда в ней нуждались. А ещё больше нуждаемся сейчас, когда знаем, что 19 марта, в день её рождения, не услышим больше по телефону такой тёплой, родной, такой узнаваемый голос.

Она могла и поддержать, и посоветовать. Когда мне предстояло участвовать в труднейшем всероссийском конкурсе, я поделилась с ней своими тревогами. В ответ она в свойственной только ей неподражаемой манере в одну минуту отсекала все мои сомнения: «Хорошо мучиться! Ты же знаешь, что выиграешь. Не можешь проиграть!»

Вот так только она могла и

Редактор, новатор, учитель

О Нелли Фёдоровне Смирновой – с любовью и благодарностью

встряхнуть, и отрезвить, и, как говорится, на путь истины направить.

В ней было редкое сочетание элитарности и простоты, недостижимости и доступности, невозмутимости и эмоциональности, застенчивости и открытости. Ироничная, но с редким чувством юмора. Словоохотливая и прямолинейная, но умеющая, когда надо, помолчать и промолчать.

Именно о таких людях сказал когда-то часто цитируемый ею Лев Толстой: «Там нет величия, где нет простоты и естественности»

Эстетка и перфекционистка, она не позволяла нам расслабляться. При ней хотелось мгновен-

но втянуть живот, стать выше и особенно тщательно следить за речью. А «экспертом» она была беспристрастным! И... спасибо ей за науку быть культурным и интеллигентным человеком!

Она формировала и в нас, и, конечно, в читателях «Партнёра» стремление к красоте и совершенству. Во всём! Она и сама свято следовала известному совету любимого А. П. Чехова обо всём том, что «должно быть прекрасно в человеке». Она мечтала, чтобы «по красивым улицам красивого города шли бы красивые люди» (из статьи Н. Ф. Смирновой «Вот так наш город начинался». – Прим. авт.). И сама была красивой – во всех смыслах этого слова!

А ещё была в ней какая-то выстрадавшая, безусловная человечность

По отношению к мёрзнувшим зимой птицам, к матерям призывников, к детям Беслана... Она остро чувствовала чужую боль. И это не случайно. Ведь и саму её жизнь, говоря прямо, не просто испытывала – не пощадила...

Помню наш последний разговор. Она сокрушалась, что стала меньше читать. Призналась, что иногда учит русскому языку соседских ребят-таджиков: «Совершенно бесплатно! Не думай». А я и не сомневалась в этом! Как всегда, с особой теплотой говорила о своей семье, об увлечении музыкой любимой внучки. И, конечно, о нашем журнале.

Помню её почерк,

энергичный, аскетичный, эстетичный, мелкий, но, тем не менее, весьма разборчивый. Она обходилась без черновика – сразу писала начисто. Я слышала, что это признак предельной откровенности и компетентности. Ещё бы!..

Говорят, после ухода человек остаётся, в том числе и в делах его рук. Открываю первый попавшийся журнал – он будто дышит, а ещё шутит, учит и улыбается улыбкой Нелли Фёдоровны. «Партнёр» считался информационно-развлекательным, но по сути своей он был культурно-просветительским, по-хорошему пропагандистским и общественно значимым.

Таким его сделала, конечно, Нелли Фёдоровна, редактор, новатор, учитель. Знать, иметь, уметь, отдавать и, конечно, помогать – в этом была её сущность. «Альтруизм – это значит вовремя прийти на помощь другому человеку, подарить ему уверенность в том, что всё будет хорошо, что всё только начинается». Это слова из статьи Нелли Фёдоровны об альтруизме вообще, а получилось, что они и о ней самой. В частности.

По своим душевным качествам она была редким человеком. Может, поэтому ей – из очень немногих – я могла открыть самое личное, сокровенное, зная, что она утешит и поможет, сбережёт мою тайну, оправдает доверие.

Вряд ли Нелли Фёдоровна одобрила, если бы я назвала её эталонной порядочности: не нравились ей высокопарные словесные штампы. Поэтому скажу просто: она была очень хорошим человеком.

О её профессионализме можно складывать легенды и поучения. Нелли Фёдоровна сознательно выбирала глубоко неординарно самые острые темы и раскрывала их. Она была не столько обличителем, сколько «излечителем»: обозначив проблему, она тут же предлагала адекватные пути её решения. Вот её журналистское кредо: «Уважение к прошлому, внимание к настоящему и целенаправленная работа

на счастливое будущее». Эти слова она так виртуозно сумела вплести в одну из своих статей, что они сразу сделались беспарфосными и убедительными...

Закрытие журнала Нелли Фёдоровна восприняла как личную потерю. Однажды, позже, по телефону я уверяла её, что постоянно журнал перечитываю, а она с горечью отрезала:

– Вот только вы одна и читаете его!

– Нет, Нелли Фёдоровна, мои ученики тоже им интересуются.

– Это другое дело! Но вы не шутите?

– Нет, конечно. Сегодня, например, читали очерк про художника Александра Шибанова.

– С какой стати?

– Сочинение писали по «Девочке с персиками» Серова.

– Ааа... У Шибановых же там корни семейные... Мамонтов его, его племянница...

– Она – на картине.

– Я знаю... Пусть и дети знают! – по-учительски посоветовала Нелли Фёдоровна.

Как бы я хотела, чтобы у нынешних детей были такие учителя, которые, говоря словами президента Владимира Путина, формируют основы мировоззрения! Ведь даже на нас, людей уже взрослых, она действовала как умный, интересный, заинтересованный наставник!

Да, жаль, что этого больше не будет...

Недавно в одной из телепередач Николай Цискаридзе, артист балета, педагог, заметил что балерин и танцовщиков сейчас много и очень-очень способные среди них есть. А таких, как Майя Плисецкая, нет. «И, увы, не будет», – грустно констатировал он. А я в этот момент почему-то подумала о Нелли Фёдоровне.

Как же хочется всё ей возвратить! С любовью и благодарностью!

✍ Валентина Семёнова,
корректор журнала «Партнёр»

Нелли Смирнова

Люди искусства

Сорок лет назад, 23 января 1983 года, завершился земной путь народного артиста РСФСР, почётного гражданина Магнитогорска Семёна Эйдинова, чью память почтила исполнением Реквиема Вольфганга Амадея Моцарта созданная в 1944 году и ныне носящая имя своего основателя Магнитогорская государственная академическая хоровая капелла.

Сердце Семёна Григорьевича остановилось сразу после концерта в Риге, где выступал коллектив. Вот как вспоминал тот день бывший артист капеллы Александр Тарнакин: «Во время концерта Эйдинов, чувствующий себя неважно, сидел в зале.

Дирижировал Сергей Смирнов. После последнего номера, дружных аплодисментов и цветов стали вызывать художественного руководителя. Семён Григорьевич встал, быстро поднялся на сцену и поклонился публике. Потом повернулся к нам, сказал шёпотом: «Славься!» (хор Глинки из оперы «Иван Сусанин». – Прим. авт.) и жестом показал вступление.

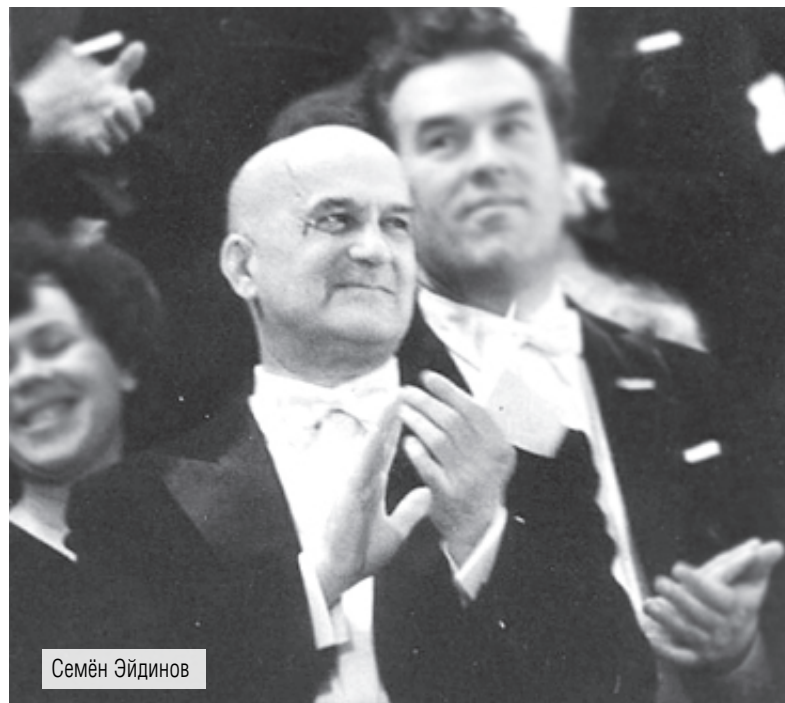
Таким не видел его ещё никто. Он вложил в руки всю энергию, все свои силы. На лице выступил румянец, глаза блестели, а Семён

Незабвенны дела великие

Григорьевич продолжал наращивать темп. Последний аккорд... Рука «держит звук» и просит звучания колоколов. Публика неистовствует, кричит: «Браво!» Дирижёр повернулся к залу, поклонился и спустился со сцены. Всё. Он ушёл навсегда. Жизнь отдана искусству, молодому уральскому городу, России».

Прощание с маэстро проходило в Магнитогорском драматическом театре им. А. С. Пушкина. Море цветов, приглушённые голоса, нескончаемый поток людей – всё говорило о том, как много значил для города этот человек. Порядок обеспечивала милиция, потому что народ всё прибывал и прибывал, и не было конца этой скорби. Вечный покой Семён Григорьевич обрёл на Правобережном кладбище.

Ныне бессмертная музыка Моцарта в исполнении капеллы и симфонического оркестра Магнитогорского театра оперы и балета тоже звучала в театре. Был аншлаг. Дирижировал заслуженный деятель искусств РФ Андрей Петренко, в послужном списке которого работа главным хормейстером в Мариинском театре, преподавание в Санкт-Петербургской консерватории, а ныне – художественное руководство Уральским молодёжным

Семён Эйдинов

симфоническим оркестром и хором Свердловской филармонии.

Нелишне напомнить, что впервые Реквием Моцарта был исполнен в Магнитогорске в декабре 1986 года. Назначенный в то время

художественным руководителем и главным дирижёром капеллы Юрий Иванов приурочил премьеру к 230-летию со дня рождения композитора. Остановив свой выбор на Реквиеме, он полагал,

что это лучшее из созданного Моцартом для хора. Юрий Иванов был учеником Семёна Эйдинова, занимался у выдающегося хорового дирижёра Александра Юрлова и художественного руководителя Новосибирского симфонического оркестра Арнольда Каца. Спустя десять лет после плодотворной оперно-симфонической деятельности в Астрахани и Саратове Юрий Иванов был художественным руководителем Магнитогорской хоровой капеллы. После премьеры 1986 года Реквием Моцарта остался в репертуаре капеллы и часто исполнялся с оркестрами в отечественных и зарубежных концертных залах. В том числе с такими выдающимися дирижёрами, как Владимир Спиваков, Арнольд Кац, Владимир Федосеев, Вероника Дударова, Дмитрий Лисс и другими.

Траурная заукопная месса, написанная на канонический латинский текст, давно вышла за рамки молитвы и стала мировым художественным достоянием. Обращение к Реквиему в день памяти Семёна Григорьевича Эйдинова тронуло сердца многих. Прозвучавшая на бис восьмая часть сочинения Lasciata – один из самых светлых образцов моцартовской лирики, мольба об утешении в скорбный день слёз.

✍ Марина Кирсанова